

**РИТОРИКА И ЛОГИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877—1878 ГОДОВ
В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*А. А. Тесля*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 10.08.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-6

Балканский кризис 1875–1876 годов и последовавшая за ним русско-турецкая война 1877–1878 годов стали первыми масштабными внешнеполитическими столкновениями Российской империи в принципиально новых условиях существования публичной сферы, вовлеченности широких слоев населения в происходящие события в силу военной реформы 1874 года, изменившей принцип комплектования армии с рекрутских наборов на службу по призыву и т.д. Новая реальность в виде публичной сферы, активно формировавшейся с 1850-х годов, предполагала новые языки как описания, так и преобразования реальности в целях формирования коллективного действия. Широкое общественное возбуждение, охватившее самые разные слои Российской империи в 1876–1877 годах, демонстрирует наличие работающей мобилизующей риторики, в то время как быстрое последующее разочарование и фактическое «аннулирование» со стороны общественного мнения событий тех лет заставляют предполагать, что наличный язык мобилизации был санкционирован властью, но не контролировался ею или контролировался далеко не в полной мере. Проанализировано устройство общественного языка 1876–1877 годов, на котором разные участники формировали и фиксировали свое отношение к происходящим событиям. Выделяется ряд ключевых оппозиций, используемых большинством участников и анализируемых с точки зрения проблематики ориентализма. Показано, что ориентальное видение конфликта позволяло одновременно осуществить подразумеваемое «вестернизирование» образа Российской империи, в то время как критика этой модели осуществлялась через помещение обеих конфликтующих сторон в общую ориентальную рамку, однако без уравнивания сторон: самоориентализация оказывается здесь политическим вызовом, требующим вестернизации, в отличие от «сущностного востока» другой стороны конфликта. Политические власти Российской империи оказались не способны вполне контролировать предложенную ими широкую риторическую рамку, и осознание этих проблем, среди прочего, привело к качественным переменам в риторике официальной репрезентации наличного режима в 1880-е годы.

Ключевые слова: ориентализм, политическая семиотика, политическая репрезентация, риторика власти, русско-турецкая война 1877–1878 годов.

Вера Аксакова, дочь Сергея Тимофеевича, реагируя на события Крымской войны, писала 28 марта 1855 года своей ближайшей подруге и кузине, Марии Карташевской, в Петербург:

Ты не можешь, конечно, себе представить, мой милый друг, живучи в Петерб^б<урге>, какая разительная перемена совершилась в продолжение этих двух лет в простом народе. <...> Ум, участие и знание русского народа были заключены до сих пор в тесных пределах их быта, их собственных нужд, но все эти события, эта война, вопросы о защите веры, поднятые ею, до такой степени потрясли его, возбудили его участие, его любознательность, расширили его знания, что мы истинно бываем часто поражены их вопросами, рассуждениями, их знанием подробным и верным всех настоящих обстоятельств; конечно, я могу тебе говорить только об окружающих крестьянах, но и в них прежде этого не было. *Крестьяне, которые ездят в Москву, нарочно ходят в иные трактиры, где им читают ведомости, а где есть грамотные, то достают прочитанные газеты и привозят к себе в деревню, где и бабы слушают и все знают* (курсив наш. — А. Т.) (Дмитриев, Федоров, 2016, с. 133).

Этот рядовой текст показателен тем, что на ранних стадиях демонстрирует изменения, ставшие очевидными два десятилетия спустя:

— во-первых, быстро идет формирование новой, публичной сферы, что в рамках славянофильской лексики в начале 1860-х годов Иван Аксаков зафиксировал как появление «общества», придавая ему новое, отличное от ранее бытовавшего в языке, значение. Если ранее мы видим один ряд связанных словесных форм, через которые легко просматривается значение ключевого понятия — «хорошее общество», «светское общество», «свет», «быть в обществе», то теперь значение меняется — новое «общество» не может быть увидено «лицом к лицу», круг лиц, участвующих в публичной коммуникации, неопределен;

— во-вторых, стремительно расширяется круг вовлеченных в обсуждение «общественных» вопросов и тех, кто так или иначе испытывает к ним интерес. Правда, к «народу» (в значении «простонародья») это в большинстве ситуаций не относится, однако именно 1855 год впервые меняет ситуацию. На долгое время этот опыт так и будет оставаться единичным и не получит своего осмысления, что вполне закономерно, поскольку в последующие годы ситуация вернется в привычные границы: крестьянский мир в подавляющем своем большинстве окажется вновь за пределами «большой информационной повестки», реагируя лишь на новости, связанные с аграрными реформами и налоговыми обязательствами.

Лишь в ситуации 1876—1878 годов, на новом уровне повторившей предшествующую, сложится новый тип поведения: появится новый тип читателя и новая большая читающая аудитория — крестьянская и низовая городская (между ними нельзя будет провести четкого разграничения, поскольку большая часть городских фабричных и заводских работников, как и многих служащих в мелких лавках и т. п., будут сезонными работниками, а даже в случае, когда их работа станет постоянной, они будут на протяжении десятилетий сохранять свои связи с деревней).

Появление первых заметных черт этой новой аудитории в 1855 году связано с формированием ополчения. Если до этого момента, до 1854 года, война воспринималась весьма схоже с предшествующими конфликтами, то к осени того же года ситуация изменилась.

Следует отметить, что для первой половины XIX века в Российской империи, как и в Великобритании (и во всех европейских странах в XVIII веке), война была состоянием, не изымающим «из обычного порядка вещей», не противоположным повседневности, а ее частью (за исключением войны 1812 года). Войны велись профессиональными армиями, солдаты набирались через рекрутские наборы, то есть для офицеров и их семей война была именно тем, ради чего офицеры и жили. Войне радовались и в том смысле, что она изымала из рутины провинциальной жизни, и в том, что давала шансы на продвижение и карьеру и поднимала достаток за счет как увеличенного походного содержания, так и ослабления контроля по распоряжению средствами отряда, выводившимися из-под бдительности казначейства и ревизоров. Для подавляющего же большинства — тех, кто являлся поставщиком рекрутов, — следить за военными действиями не представляло интереса, поскольку эти события оказывались не связаны с их жизнью, за исключением разве что возможности усиленного рекрутского набора, поскольку, попадая в армию, рекрут практически навсегда изымался из семейной среды и, соответственно, был потерян для последней.

Ополчение, созыв которого был объявлен в 1854 году, принципиально меняло ситуацию. Ополченцы призывались лишь на время, они были зачастую уже людьми семейными, так что для крестьян теперь следить за происходящими событиями становилось непосредственно связанным с их интересами (тем более что ходили слухи, что ополченцев затем освободят от крепостной зависимости). Военные действия, дипломатические переговоры, правительственные заявления переплелись с заботами повседневности¹.

¹ Здесь следует оговориться о двойном значении понятия «повседневности» при характеристике восприятия войны в первой половине XIX века. Во-первых, само положение империи в состоянии войны или мира не выступало как два прямо противоположных порядка, меняющих реальность, поскольку войны этого времени не только были регулярны, но и практически не прекращались. Напомним, что только с Османской империей Российская империя с 1800 года была в состоянии войны с 1806 по 1812 год и с 1828 по 1829 год, в 1833 году оказав, напротив, активное военное содействие Порте в ее конфликте с Египетским хедивом; с Персией Россия воевала с 1804 по 1813 год и с 1826 по 1828 год. Вторая четверть XIX века для Европы была периодом мира после длинной череды Наполеоновских войн, из которых Россия принимала участие сначала в войне 1805 года, затем — вместе с Пруссией — в войне 1806—1807 годов, а после в войне 1812 года, продолжившейся коалиционной войной 1813—1814 годов. В войне «ста дней» 1815 года российская армия принять активное участие не успела, но затем играла большую роль в рамках оккупационного корпуса, размещенного во Франции во время Второй Реставрации. Во второй четверти XIX века, как уже говорилось, Европа преимущественно наслаждалась миром, но и здесь российская армия сражалась с армией Царства Польского в ходе мятежа 1830—1831 годов, фактически вылившегося в полноценную войну, а в 1848—1849 годах играла решающую роль в подавлении Венгерского восстания, придя на помощь правительству Австрийской империи. О среднеазиатских экспедициях, в первую очередь походе Перовского, можно не упоминать, но отметим, что военные столкновения на этих границах империи

За два десятилетия, отделяющих Крымскую войну от начала балканского кризиса (1875), в Российской империи успели произойти кардинальные изменения: сформировалось публичное пространство, сфера общественного мнения (см.: Тесля, 2017а), военная реформа 1874 года создала армию, комплектуемую по призыву, распространение грамотности определило развитие массовой печати. В последнем отношении показательны примеры издательских успехов А. А. Суворина и И. Д. Сытина — если первый, создав «Новое время», ориентировался на широкие городские круги (и разветвленная корреспондентская зарубежная сеть, быстрота доставки новостей с театра военных действий стали в 1877 году источником его успеха, сделавшего «Новое время» самым популярным общенациональным изданием, сохранявшим свои позиции вплоть до начала нового столетия), то Сытин, начинавший свою карьеру коробейником, ориентировался на малограмотную публику, обнаружив в ней в ходе войны 1877—1878 годов новый рынок для печатных изданий, соответствующих ее восприятию — близких к лубку и аналогичной продукции.

В ситуации войны 1877—1878 годов в восприятии публики, которое отчетливо передается в публицистике — в первую очередь в военных корреспонденциях В. И. Немировича-Данченко и затем многочислен-

были регулярны, а для кавказского региона центральным событием на протяжении полувека стала Кавказская война 1817—1864 годов. Для офицеров и солдат боевой опыт этого периода, в отличие от периода 1860—1890-х, был практически универсальным, в свою очередь, поступить «вольноопределяющимся» было достаточно обиденной практикой (напомним об опыте Льва Толстого, поступившего добровольцем в Кавказскую армию и собиравшего подать в отставку в 1853 году, но в связи с началом Крымской войны отставки были отменены, и таким образом он оказался в Севастополе). Однако, во-вторых, с этим связано и другое значение войны как «повседневности» — в том плане, что военное состояние, за исключением войны 1812 года, практически не меняло ритма жизни тех слоев общества, которые непосредственно не были связаны с войной. Нам сейчас затруднительно это осознавать в силу радикально иного опыта военных противостояний последующего века, но война между державами в некоторых случаях могла даже не исключать сохранения между их подданными торговых отношений. Отражая уже меняющийся опыт, В. Аксакова в письмах М. Карташевской высказывает возмущение тем, что в Петербурге война практически незаметна, светские и публичные увеселения идут своим чередом, обсуждаются новые книги, ездят в театр и т. д., а московское общество также во многом не меняет своих обычных дел, разве что приобретая новые предметы для салонных разговоров и новые темы для благотворительных балов (см.: Дмитриев, Федоров, 2016). Но и для нее одним из основных предметов внимания в 1854 году является, с одной стороны, выход в свет первой биографии Гоголя, а с другой — подготовка ее отцом, С. Т. Аксаковым, воспоминаний о Гоголе для П. А. Кулиша, занятого работой над новым, расширенным изданием биографии (см.: Аксакова, 2013). Тем самым она демонстрирует разрыв между уже активно складывающимися новыми, позднемодерными представлениями о войне как феномене, затрагивающем все общество, что станет вполне осознанным и реализованным в опыте «тотальной войны» Первой мировой, предполагающей «тотальную мобилизацию» (см.: Юнгер, 2002; исторический комментарий: Гузикова, 2004), и воспроизводимыми ею на практике иными, прежними моделями поведения.

ных романах, написанных им на те же сюжеты, — появляется новый феномен — «воющего народа». События войны теперь относятся не к солдатам и офицерам, людям особой социальной группы, всем стилем и образом жизни отделенной от остальных, а к самой читающей публике. В этом смысле показателен выбор персонажей одного из самых популярных романов В. И. Немировича-Данченко на эти темы, «Плевна и Шипка» (Немирович-Данченко, 1902), вышедшего первым изданием в 1881 году: (1) сестра милосердия, из бедных дворян, ранее театральная драматическая актриса, игравшая и в провинции, и в столицах; (2) офицер, из студентов, ее поклонник — между ними и строится любовная линия романа; (3) московская семья ее друзей — доктор и два его сына: старший уходит вольноопределяющимся рядовым, а доктор поступает добровольцем в военный госпиталь, оставляя младшего учиться, дабы было кому позаботиться о матери в случае смерти отца и сына на войне; (4) старый солдат-вольноопределяющийся, бывший швейцар, из крестьян, уходящий на войну ради исполнения христианского долга. Здесь примечательно и то, что все персонажи, поставленные в центр повествования, оказываются вольноопределяющимися, то есть в современной терминологии добровольцами, что позволяет автору показать войну глазами своих читателей — обычных людей, тех, с чьим опытом легко себя соотнести².

В позднемодерных условиях, в частности в процессе возникновения публичной сферы и всеобщей воинской повинности, требовалась принципиально другая риторика, чем в предшествующих военных конфликтах. Власти надлежало для успеха общественной мобилизации сформулировать риторику, позволяющую присоединиться и разделить ее, интроецировать сторонникам самых разных позиций и взглядов. В результате ключевыми образами, в которых репрезентируется сначала балканский кризис, а затем война 1877–1878 годов, становятся отражающие/выражающие следующие дихотомии:

- (1) свобода vs. рабство;
- (2) цивилизация vs. варварство;
- (3) гуманность vs. жестокость;
- (4) Запад vs. Восток;
- (5) христианство vs. ислам.

² Отметим, что близкий друг Немировича-Данченко В. В. Верещагин в своих очерках, посвященных тем же событиям (Верещагин, 1898), занимает последовательно иную позицию — человека знающего, имеющего военный опыт, объясняющего военные события и психологию похода, атаки, обороны. Его основными персонажами, соответственно, выступают профессиональные военные, в первую очередь генерал Скобелев и отчасти сам Немирович-Данченко, участвующие в тех же событиях в статусе, сходным с художником. То есть Верещагин акцентирует особость, отличие своего опыта от опыта читателя, понимание, ему недоступное — профессиональный взгляд, тогда как Немирович-Данченко принципиально старается выстроить единое пространство опыта с читателем, говоря с позиции непрофессионального военного, добровольца, оказавшегося на войне впервые, — и для которого этот опыт так и остается уникальным, нетривиализируемым.

На них мы остановимся чуть позже, а пока уделим пристальное внимание сложной судьбе шестой, самой универсальной дихотомии: мужское vs. женское. Разумеется, в ситуации военного конфликта своя сторона должна ассоциироваться с «мужским» (выступающим в ряду понятий «активное», «воинственное» и т.п.). Однако реальность предсказуемым образом оказывается гораздо более сложной — не останавливаясь на расхожести представления Отечества в женской ипостаси, отметим привычную для XIX века связь Отечества со Свободой, а система образов обретает законченность в «Свободе на баррикадах» Эжена Делакруа. Как известно, Делакруа, много раз редактируя центральный образ картины, в итоге создает из «Марианны» (репрезентации Отечества) не только визуализацию Свободы, но и, что особенно важно, придает ей пластику античной Ники, то есть победы, соединяя тем самым Отечество, Свободу и Победу в единый образ, что и сообщает ему такую силу и значимость (см.: Кожина, 1969).

Романтический набор образов значим в данном случае постольку, поскольку именно «романтическое» прочтение играло определяющую роль в формировании «ориентализма» 1830—1840-х годов, на протяжении десятилетий затем ставшего готовой системой образов и представлений, к которым обращались, говоря о «Востоке».

«Восток» в смысле ориентализма явился базовой рамкой для репрезентации образов, связанных с балканским кризисом 1876 года — достаточно вспомнить известные работы «Болгарская мученица» М.О. Микешина (1876) и «Болгарские мученицы» К.Е. Маковского (1877)³. Здесь «ориентальное» позволяло многое:

(1) изображать полунагую натуру, в иных случаях строго возбранявшуюся в силу вкусов русского общества (напомним, что в собрание П.М. Третьякова не вошла ни одна картина с обнаженной или полуобнаженной натурой);

(2) в политических и общественно приемлемых формах соединять садомазохистские образы — сцены сексуального насилия одновременно предьявлялись и осуждались, причем сами жертвы насилия выступали в эстетически привлекательном виде;

(3) в случае «Болгарской мученицы» Микешина есть и прямое обращение к христианской иконографии — мученичеству св. Себастьяна, заменяемого здесь на конвенциональную (в отличие от перверсивного в восприятии многих римского мученика) молодую женщину, христианский иконографический мотив легко увидеть и у Маковского в его изображении предстоящей жертвы насилия — молодой матери с младенцем.

Вообще тема мученичества — и в первую очередь именно сексуального насилия, зачастую с детально и сладострастно описываемыми пытками, иногда лишь в виде отсылки — оказывается ключевой при описании «болгарских страданий». Этот мотив сохранится на долгое время — так, классик болгарской литературы Иван Вазов, участник ап-

³ См. специальное рассмотрение визуальных репрезентаций русско-турецкой войны 1877—1878 годов в аспекте данной работы: (Тесля, 2018).

рельского восстания 1876 года, много лет проведенный в России и в Одессе написавший большую часть своего классического романа «Под иггом» (Вазов, 1985), начинает последний именно со сцены грозящего изнасилования, причем для усиления эффекта жертвой изнасилования предстоит стать тринадцатилетней дочери мельника, а потенциальными насильниками выступают два турка-башибузука. Отметим, что для Вазова эта тематика совершенно не ключевая — он вводит ее как шаблонный прием, но именно в шаблонности соединяется ориентальная тематика в истолковании Эдварда Саида. «Восток» здесь пространство того, что запрещено на «Западе», дозволенность или возможность таких чувств и действий, которые на «Западе» поставлены под запрет: сексуальное насилие над малолетней, публичность сексуальных действий (на глазах отца), групповой секс. Для Вазова реакция главного героя романа, ведущего себя как конвенциональный «западный»/«европейский» человек и защищающего жертву, убивающего в порыве безотчетного гнева обоих насильников, — демонстрация «европейскости» болгар, точнее, «лучших представителей» болгарского народа, что доказывает его право на независимость и т. д. Болгары оказываются «Европой» по отношению к туркам. Что одновременно вскрывает и соотносительность этих категорий — «Запад» и «Восток», «Европа» и «Турция» определяются по контексту: то, что выступает «Европой», «европейским» по отношению к одному, само оборачивается «Востоком» в сопоставлении с иным. Эти мотивы, в частности, будет обыгрывать Алеко Константинов в своих фельетонах про бая Ганю (Константинов, 1979), демонстрируя «ориентальность», «турецкость» болгар и необходимость для них воспитывать себя, проводить над собой работу цивилизации, а в ситуации 1876 года оборачиваемость «Востока» станет исходной точкой рассуждений Драгоманова, сопоставляющего «турок внешних» с «турками внутренними», под которыми будет понимать наличный режим Российской империи⁴.

В противостоянии Османской империи Российская представала, во первых, носительницей «европейских» начал (вне зависимости от того, как уже каждый из участников дискуссии сам определял положение России по отношению к Европе), что снимало внутреннее напряжение и позволяло, в разных интерпретациях, одним соотнести себя с «Европой», устранить разрыв между «русским европейцем» и собственной страной, где значительная часть интеллигенции воспринимала себя в качестве носителей иных, более высоких — и, самое главное, внешних — культурных норм по отношению как к правительству, так и к

⁴ Отметим, что в русской литературе 1870-х годов, есть два значимых исключения иной работы с «ориентальным» при воспроизведении самой матрицы ориентализма, где «Восток» оказывается носителем положительного, переосмысливаемого по отношению к «Западному». Это тексты Н.И. Костомарова и К.Н. Леонтьева (причем Костомаров в данном случае опирается на восходящую еще к 1850-м модель восприятия «турецкого» и «восточного», выработанную П.А. Кулишем и, в свою очередь, связанную с «туркофильством» в польской прозе кресов 1830–1840-х годов).

большинству «народа», для других же — определять себя и Россию как «подлинную Европу» в смысле носительницы христианских ценностей, защитницы народов и т.д. в противопоставление половинчатой и прагматичной позиции иных европейских держав. Во-вторых, в этом противостоянии на стороне Российской империи оказывалась вся первая часть дихотомий, тогда как Турции безусловно отводилась вторая — когда, например, жестокость и сладострастное мучение интерпретировались как «женственность», то есть жертва и насильник совпали в ключевом, выступая двумя вариантами «женской» части оппозиции «мужскому» как способности контролировать свои чувства и влечения и защищать слабого. При этом насилие над слабым в рамках выстроенной иерархии, в свою очередь, интерпретировалось «ориентально», как черта слабого и женственного, стремление мучить того, кто слабее тебя, в отличие от мужественного поведения соревнования с равным.

Следует отметить, что один мотив войны почти совершенно не звучит в публичной сфере, хотя имеет значение с точки зрения правительства⁵: это реванш за Крымскую войну 1853—1856 годов. Напротив, этот же мотив воспоминаний о Крымской войне возникнет позже, в обстановке дипломатического кризиса весны — лета 1878 года, завершившегося Берлинским договором; это обстоятельство связано с тем, что Крымская война воспринимается в русском обществе того времени как противостояние «Европе» (см., например, характерную первую главу «России и Европы» Данилевского, печатавшуюся в начале 1870-х годов), в отличие как от предшествующих, так и от текущей русско-турецкой войны.

Данная матрица понятий и выстраиваемых в тесной связи с ними образов оказалась весьма эффективной в аспекте общественной мобилизации, позволяя включение в общее действие самых разных общественных групп. Так, земледелец Дмитрий Клеменц, один из создателей радикальной партии, отправляясь из Франции в Россию с целью организации побега Н.Г. Чернышевского, по его собственным воспоминаниям, относился к «общественному возбуждению» 1876 года весьма критично, полагая, что все ограничивается шумихой дозволенных общественных организаций вроде Славянского комитета и заявлениями официозных публицистов. Однако путь до Иркутска и обратно (Клеменц быстро обнаружил невозможность организовать задуманный побег) продемонстрировал ему такую глубину общественного интереса и вовлеченность самых разных народных слоев в происходящее, что во второй половине 1876 года он отправился добровольцем в Сербию, стремясь принять участие в войне (см.: Милевский, Панченко, 2017,

⁵ Показательно, что по итогам войны Российская империя вернет себе Бессарабию, с 1856 по 1878 год входившую в состав Дунайских княжеств (Румынии), произведя обмен территориями на Добруджу. Этот «размен» вызовет большое недовольство в Бухаресте, но для Петербурга принцип восстановления власти над прежними имперскими владениями будет преобладающим.

гл. 3). Представитель совершенно других, консервативно-либеральных взглядов Б. Н. Чичерин, достаточно далекий от увлечений панславизмом в предшествующие годы, в 1876 году оказывается, на недолгое, правда, время, сам увлечен происходящим, заявляя в письме к А. В. Станкевичу от 21 июля 1876 года: «Я на войну смотрю как на грозу, освежающую воздух» (цит. по: Китаев, 2004, с. 102)⁶.

Таким образом, мы видим, во-первых, что в отличие от предшествующих аналогичных ситуаций значительных военных конфликтов, участником которых выступала Российская империя, балканский кризис 1876 года и последовавшая за ним русско-турецкая война 1877–1878 годов потребовали со стороны властей активной работы с общественным мнением, причем эта потребность так и не была до конца осознана⁷.

⁶ В скором времени, правда, он изменит свой взгляд — в силу разочарования в южных славянах. Тому же корреспонденту уже 22 ноября 1876 года он пишет: «Я сначала сам готов был стать горою за так называемое правое дело, но видя, как ведут себя наши братья-славяне, я прихожу к убеждению, что они не стоят того, чтобы из-за них проливать кровь. <...> Во всяком случае, глупо проливать кровь из филантропии. Если бы южные славяне были на что-нибудь годны, понимаю, что им можно было бы и следовало бы помочь; но так как из них, очевидно, может быть, еще в течение нескольких столетий ничего не выйдет, то совершенно достаточно общим европейским напором помешать, чтобы их не резали» (цит. по: Китаев, 2004, с. 102–103).

⁷ Последнее обстоятельство заметно по цензурной политике властей — на всем протяжении военных действий они не препятствовали самым радикальным «патриотическим» высказываниям в печати о целях и задачах войны, вплоть до водружения «креста над Святой Софией». При этом в рамках дипломатической подготовки войны изначально правительством были согласованы с Австро-Венгрией возможные территориальные приобретения и в качестве компенсации, для сохранения баланса сил, оговорено установление протектората Вены над Боснией и Герцеговиной, последующая военная кампания сопровождалась постоянными дипломатическими переговорами стран-участниц «европейского концерта». Тем самым и московская, и петербургская печать создавали у публики самые нереалистичные ожидания о возможных результатах военных действий, в связи с чем и прелиминарный договор с Турцией, заключенный в Сан-Стефано, существенно нарушавший оговоренные ранее с европейскими державами территориальные изменения, был воспринят русской публикой как далеко не соответствующий ее надеждам, а Берлинский мирный договор, сильно сокративший приобретения, и вовсе консенсуально был воспринят обществом как «позорный», едва ли не аннулировавший достигнутые военные результаты, и тем самым надолго, едва ли не до наших дней, сообщил войне 1877–1878 годов репутацию «неудачной» именно в аспекте напрасно понесенных военных жертв и недостаточности приобретений. Если не касаться собственно содержательных оценок войны и достигнутых ею результатов, такого рода общественная реакция, выразителем которой стал Иван Аксаков, выступивший с резкой речью против Берлинского договора и призвавший едва ли не к европейской войне — во всяком случае предложив не опасаться оказаться в конфронтации со всеми остальными европейскими державами (см. подробнее: Тесля, 2015), — обусловлена именно тем, что на протяжении войны власти никак не сдерживали «патриотическую» пропаганду, оставляя без внимания последствия «разгорания» общественных настроений. В итоге сама война стала восприниматься как едва ли не

В отличие от предыдущих русско-турецких войн, где цели и оправдание войны обозначались в высочайших манифестах, содержащих общую идеологическую рамку, и имели весьма ограниченный круг и глубину воздействия⁸, война 1877—1878 годов потребовала создания широкой идеологической рамки — в качестве последней оказалась избрана тема «освобождения», далее варьируясь как освобождение «славян», «православных братьев» и т. п.

Во-вторых, эта рамка оказывается базовой для репрезентации всего царствования — от «освобождения крестьян» до «освобождения славян»/«освобождения Балкан», что создает своеобразные логические и риторические последствия:

— с одной стороны, включая саму власть в «освобожденческий» дискурс — дополняя им предшествующую риторику «реформ». Если последняя не предполагала автоматически бесконечной прогрессии⁹, то дискурс «освобождения» означал имплементацию либеральной доктрины — с бесконечностью «освобождения», связанного лишь фактическими условиями. Поскольку фундаментальным здесь, в понятиях дихотомии Исайи Берлина (Berlin, 1969), выступает «негативное понимание свободы» («свобода от»), то достигнуть собственно «свободного состояния» невозможно, свобода оказывается соотносительной — данное состояние более свободно, чем предшествующее, крестьяне свободны в том смысле, что с них сняты ограничения крепостной зависимости, они пользуются правами, которых ранее были лишены, но лишены иных прав или возможности ими воспользоваться, печать свободна в том смысле, что ограничена теперь в меньшей, чем ранее, степени, и т. д. Не случайно следующее царствование начнется с принципиального изменения риторики — на смену «освобождению» и «реформам» как требующим постоянного продвижения на пути изменений в лучшую сторону, в сторону большей свободы, придет риторика «надлежащего», естественного состояния, предполагающего онтологический порядок («естественных мест», в конце концов отсылающих к аристотелевской физике) и тем самым идеальное состояние как состояние покоя/кругового движения (см.: Уортман, 2004), что довольно полно будет представлено в задававших ключевые понятия и круг ассоциаций выступлениях К. П. Победоносцева (см.: Полунов, 2010; Тесля, 2017б)¹⁰;

«бесплодная», вместо ожидаемого укрепления авторитета власти приведет к его ослаблению, что особенно ярко проявилось в начале народовольческого террора при безразличии или во всяком случае пассивности общества (см.: Сафронова, 2014).

⁸ См. обсуждение вопроса и текст манифеста 1828 года: (Велижев, 2018).

⁹ Что, кстати, проявлялось в риторике конституционалистов вплоть до начала XX века — достаточно напомнить знаменитую формулу «увенчания здания», то есть логику некоего предела, доведения до логического конца, предполагающегося другими мерами, от гласного суда и свободы печати от предварительной цензуры до земского самоуправления.

¹⁰ Благодарю Ф. А. Гайдю (МГУ, Москва) за соображения по поводу логики и риторики либерализма, которыми он поделился в частных беседах во время его пребывания в Калининграде и на которые опирается предшествующее изложение.

— с другой стороны, это же позволяло оппонентам власти «слева» (разной степени радикализма или умеренности) публично опираться на тот же язык, то есть осуществлять риторически переинтерпретацию властной риторики и, более того, презентировать власть либо как непоследовательную, либо как лицемерную, на практике не исполняющую собственные заявления. Особенно ярким примером этого рода служит известный текст М. П. Драгоманова «Турки внешние и турки внутренние» (1876), где, используя многозначность понятия «свобода», он утверждает, что, дабы освободить балканских славян от «турок внешних», необходимо прежде освободиться самим от «турок внутренних», достигнув политической свободы:

Только эта политическая свобода: всенародное, земское представительство, с контролем над действиями исполнительной власти, с неприкосновенной свободой лица, слова, сходов, обществ — и может обеспечить хоть сколько-нибудь согласие деятельности правительства с национальными интересами и общественным мнением, своевременность проявления этой деятельности, не ждущей, чтоб турки вырезали десятки и сотни тысяч братьев наших прежде, чем мы надумаемся помочь им, а также только политическая свобода может хоть сколько-нибудь охранить нашего солдата от тех злоупотреблений и хищничества, которые были причиной неудачи восточной войны 1854—56 гг. (Драгоманов, 1876).

Этот текст весьма примечателен сразу с нескольких точек зрения. Прежде всего, в нем используется многозначность понятия «свобода» и «освобождение». С правительственной точки зрения под «освобождением славян», «решением славянского вопроса» понималось достижение ими политической независимости, самостоятельного политического существования — или, в компромиссном варианте, наделение православных подданных султана действительными политическими и гражданскими правами (ответом на эту интерпретацию и станет октроирование Абдул-Хамидом II конституции Османской империи в 1876 году). Здесь уже можно видеть возникающую двойственность, на которую опирается Драгоманов в своей риторике: если целью Российской империи является не непременно образование самостоятельных национальных славянских государств на Балканах (а такая цель официально и не ставилась — задачей объявлялась защита православных/славянских подданных султана от угнетения), то одним из способов обеспечения этого становился конституционный порядок. В отсутствие такового в России это означало, что требование «освобождения» может быть (в том числе и в рамках озвученных российскими дипломатическими представителями вместе со своими коллегами из других великих держав требований к Османской империи) понято как утверждение свобод (правовых), обеспеченных конституцией.

Вместе с тем вопрос переносился и в иную плоскость — отсутствие правового порядка, «свобод» и конституционного режима в России означало неэффективность правительственных действий, то есть неспособность выполнить задачу «освобождения славян». Здесь задей-

ствовалась другая логика, подкрепляющая первую. На сей раз на передний план выступал прагматический аспект, который усилили последующие неудачи в войне и в особенности болезненная реакция русского общества на дипломатические итоги войны, достигнутые на Берлинском конгрессе 1878 года, в свою очередь укрепив аспект собственно политической свободы — поскольку Российская империя после победы в войне ввела в Болгарском княжестве разработанную ее юристами конституцию (так называемую Тырновскую конституцию 1879 года). Тем самым уже собственно правительственные действия вновь утверждают представление о «политической свободе» не только как о свободе от внешнего господства, но и как о внутреннем «свободном» (конституционном, либеральном) устройстве — так что требование к правительству о введении в России конституционного правления означает то, что за благо *de facto* признано самой же верховной властью.

Еще более любопытен иной поворот сюжета: Иван Аксаков, один из основных пропагандистов войны, выступает со схожей логикой. По его мысли, «освобождение» южных славян должно привести к глубоким внутренним переменам в Империи, освободить ее саму (и вывести, как он надеется, на славянофильский путь), а конечная неудача интерпретируется им в 1878—1881 годах как результат внутренней неготовности — и в силу моральной неготовности Российская империя оказывается неспособна достигнуть своих целей в войне, отстоять в Берлине достижения Сан-Стефано, а плодом моральной «гнилости» власти и общества становится террор (см.: Тесля, 2015).

Так широкая риторическая схема, положенная в основу публичной репрезентации балканского кризиса и последовавшей русско-турецкой войны 1877—1878 годов, в силу своей универсальности позволила объединить самые разнородные силы и политические позиции — и именно в силу универсальности не только послужила в дальнейшем основанием для размежеваний через переинтерпретацию каждой из групп основополагающих образов и понятий, но и сделала власть во многом заложником ставки на ключевые понятия «свобода» и «освобождение», что побудило ее в дальнейшем, в 1880-е годы, существенно модифицировать основной набор образов, возвращая себе власть над языком самоописания.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

Аксакова В. С. Дневник. Письма / сост., подгот. текстов, вступ. и сопровод. ст., коммент. Т. Ф. Пирожковой. СПб., 2013.

Вазов И. Под игом / пер. с болг. ; сост. и вступ. ст. Н. Симакова ; примеч. Н. и К. Державиных. М., 1985.

Велижев М. Б. Чаадаев против национализма / сост. и вступ. ст. М. Б. Велижева. М., 2018.

Верецагин В. В. На войне в Азии и Европе. С рисунками художника В. В. Верецагина. М., 1898.

Гузикова М. В. «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Драгоманов М. П. Турки внутренние и внешние: Письмо к издателю «Нового времени». Genève ; Bale ; Lyon, 1876.

Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004.

Кожина Е. Ф. Романтическая битва: Очерки французской романтической живописи 1820-х годов. Л., 1969.

Константинов А. Избранное / пер. с болг.; предисл. В. Андреева. М., 1979.

Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской (1853–1856) / сост. А. П. Дмитриев, Д. А. Федоров ; ИРЛИ РАН. СПб., 2016.

Милевский О. А., Панченко А. Б. «Беспокойный Клеменц»: Опыт интеллектуальной биографии. М., 2017.

Немирович-Данченко В. И. Плевна и Шипка. Роман в двух частях. Из событий последней войны. 4-е изд. [1881]. СПб., 1902.

Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М., 2014.

Тесля А. А. «Единственные картины в воспоминание славной войны»: героика, ориентализм и проблемы живописной репрезентации Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, №3. С. 240–255.

Тесля А. А. Кто говорит и кого (не) надлежит слышать: «общественное мнение» в Российской империи 2-й половины XIX века // Пути России. Война и мир : сб. ст. Т. 22 / под общ. ред. М. Г. Пугачевой и В. П. Жаркова. М. ; СПб., 2017а. С. 93–109.

Тесля А. А. Русский консерватор: о системе политических воззрений К. П. Победоносцева 1870–1890-х годов // Социологическое обозрение. 2017б. Т. 16, №1. С. 151–172.

Тесля А. А. «Последний из “отцов”»: Биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М., 2004. Т. 2 : От Александра II до отречения Николая II.

Юнгер Э. Тотальная мобилизация [1932] // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / пер. с нем. А. В. Михайловского. СПб., 2002.

Berlin I. Two Concepts of Liberty [1958] // Berlin I. Four Essays on Liberty. L., 1969. P. 121–172.

Об авторе

Андрей Александрович Тесля, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Академия Канта, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: mestr81@gmail.com

Для цитирования:

Тесля А. А. Риторика и логика репрезентаций русско-турецкой войны 1877–1878 годов в российском публичном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 63–77. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-6.

THE RHETORIC AND LOGIC OF REPRESENTATIONS
OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877 – 1878
IN RUSSIAN PUBLIC SPACE

A.A. Teslya¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on August 10, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-6

The Balkan crisis of 1875 – 1876 and the ensuing Russo-Turkish war of 1877 – 1878 were the first major foreign policy challenges for the Russian Empire in the entirely new public sphere situation. The military reform of 1784, which replaced recruitment with conscription, translated in the involvement of the general public in the current events. The new public sphere, which had been developing from the 1850s, required new languages both to describe and to transform reality, as well as to produce a collective action. The tremendous public excitement, which spread across the most diverse strata of the Russian Empire in 1876 – 1877, was indicative of an effective mobilisation rhetoric. However, the disappointment, which quickly followed, and the devaluation of the events of those years by public opinion suggest that, although sanctioned by the authorities, the language of mobilisation was not effectively controlled by them. In this article, I analyse the structure of the public language of 1876 – 1877, which was shaped by different actors who used it to express their attitudes to the current events. I identify a series of principal oppositions employed by most actors. I analyse these oppositions from the perspective of orientalism and demonstrate that an orientalist vision of the conflict was instrumental in 'Westernising' the image of the Russian Empire. The critics of this model placed both parties of the conflict in a common oriental framework but did not equate them. Self-orientalisation was viewed as a political challenge that required Westernisation, which did not apply to the other party to the conflict that represented the Orient proper. The political authorities of the Russian Empire could not retain control over the broad rhetorical framework that they created. The awareness of these problems was a factor of the qualitative changes in the official rhetoric of the regime that took place in the 1880s.

Keywords: Orientalism, political semiotics, political representation, official rhetoric, Russo-Turkish War of 1877 – 1878.

References

- Aksakova, V.S., 2013. *Dnevnik. Pis'ma* [Diary. Letters]. St. Petersburg (in Russ.).
Vazov, V.S., 1985. *Pod igom* [Under the yoke]. Moscow (in Russ.).
Velizhev, M.B., 2018. *Chaadaev protiv natsionalizma* [Chaadaev against nationalism]. Moscow (in Russ.).
Vereshchagin, V.V., 1898. *Na voine v Azii i Evrope. S risunkami Khudozhnika V. V. Vereshchagina* [On the war in Asia and Europe. With drawings Artist V.V. Vereshchagin]. Moscow (in Russ.).
Guzikova, M.V., 2004. «Total'naya mobilizatsiya» Ernsta Yungera kak proekt modernosti: istoricheskaya rekonstruktsiya i interpretatsiya [“Total Mobilization” by Ernst Jünger as a project of modernity: historical reconstruction and interpretation]. Ph.D. Ekaterinburg (in Russ.).
Dmitriev, A.P., Fedorov, D.A., 2016. *Krymskaya voina v istorii Rossii i v zhizni slavyanofil'skogo semeistva: Peregovory Vera Aksakovo i Marii Kartashevskoi (1853 – 1856)* [The Crimean War in the history of Russia and in the life of the Slavophil family: Correspondence between Vera Aksakova and Maria Kartashevskaya (1853 – 1856)]. St. Petersburg (in Russ.).

Dragomanov, M.P., 1876. Turki vnutrennie i vneshnie: Pis'mo k izdatelyu "Novogo vremeni" [Turks internal and external: Letter to the publisher of "New Time"]. Genève: Bale; Lyon: H. Georg (in Russ.).

Kitaev, V.A., 2004. *Liberal'naya mysl' v Rossii (1860 – 1880 gg.)* [Liberal Thought in Russia (1860 – 1880)]. Saratov (in Russ.).

Konstantinov, A., 1979. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow (in Russ.).

Kozhina, E.F., 1969. *Romanticheskaya bitva: Ocherki frantsuzskoi romanticheskoi zhivopisi 1820-kh godov* [Romantic Battle: Essays on French Romantic Painting of the 1820s]. Leningrad (in Russ.).

Nemirovich-Danchenko, V.I., 1902. *Plevna i Shipka. Roman v dvukh chastyakh. Iz sobytii poslednei voiny* [Pleven and Shipka. A novel in two parts. From the events of the last war]. Vol. 4. St. Petersburg (in Russ.).

Milevsky, O.A., Panchenko, A.B., 2017. «Bespokoinyi Klements»: Opyt intellektual'noi biografii ["Restless Clementz": The Experience of Intellectual Biography]. Moscow (in Russ.).

Polunov, A.Yu., 2010. K. P. *Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoi i dukhovnoi zhizni Rossii* [K.P. Pobedonostsev in the socio-political and spiritual life of Russia]. Moscow (in Russ.).

Safronova, Yu., 2014. *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora. 1879 – 1881 gody* [Russian society in the mirror of revolutionary terror. 1879 – 1881 years]. Moscow (in Russ.).

Teslya, A.A., 2018. "The only pictures in memory of the glorious war": heroic, orientalism and the problems of the pictorial representation of the Russian-Turkish war of 1877 – 1878. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 17(3) [in Russ., in press].

Teslya, A.A., 2017. Who says and who (should) be heard: "public opinion" in the Russian Empire of the 2nd half of the XIX century. In: M.G. Pugacheva, V.P. Zharkova, eds. *Puti Rossii. Voina i mir: Sbornik statei* [Ways of Russia. War and Peace: Collection of articles]. Vol. XXII. Moscow, pp. 93 – 109 (in Russ.).

Teslya, A.A., 2017a. Russian Conservative: On the System of Political Views of K.P. Pobedonostsev of the 1870 – 1890s. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 16(1), pp. 151 – 172 (in Russ.).

Teslya, A.A., 2015. *Poslednii iz "ottsov"»: Biografiya Ivana Aksakova* [The Last of the "Fathers": Biography of Ivan Aksakov]. St. Petersburg (in Russ.).

Wortman, P., 2004. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Junger, E., 2002. Total mobilization. In: E. Junger, ed. *Gospodstvo i geshtal't* [Domination and gestalt]. St. Petersburg (in Russ.).

Berlin, I., 1969. Two Concepts of Liberty. In: *Berlin I. Four Essays on Liberty*. London, Oxford Univ. Press, pp. 121 – 172.

The author

Dr Andrey A. Teslya, Associate Professor, Senior Research Fellow, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: mestr81@gmail.com

To cite this article:

Teslya A.A. 2018, The rhetoric and logic of the representations of the Russian-Turkish War of 1877–1878 in Russian public discourse, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 63 – 77. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-6.